

Вадим Чекунов

Тираны³

Книга третья
СТРАХ

Автор идеи
Константин Рыков

АСТ

Издательство «Этногенез»
Издательство «Популярная литература»
Издательство АСТ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-37

Чекунов, Вадим.

Ч-37 Тираны. Книга третья : Страх. / Вадим Чекунов. — Москва :
Издательство «Этногенез» : Издательство «АСТ», 2017. — 288 с.

ISBN 978-5-906338-13-6 (Издательство «Этногенез»)

ISBN 978-5-17-088920-4 (Издательство «АСТ»)

Суровая зима 1570 года. Опричное войско, во главе которого сам царь Иван Васильевич, выступает в поход на новгородскую землю. Царь, которого больше боятся и чтут, чем любят, уверен в готовящейся измене и полон решимости ее пресечь. Методы его яростны и жестоки. Пощады нет никому — ни случайным встречным, ни монастырям, ни деревням, ни крупным городам. Повсюду за войском в черных одеяниях лишь кровь на снегу да следы пожарниц.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906338-13-6
ISBN 978-5-17-088920-4

© Рыков К., 2015
© Чекунов В., 2015
© Издательство «Этногенез», 2017
© Издательство «АСТ», 2017

ЧТО ТАКОЕ «ЭТНОГЕНЕЗ»?

Почему, по убеждению Артура Кларка, магия и технология неотличимы?

Почему человек начал искать пути к достижению будущего, лишь обретя прошлое?

Какими путями осуществляется развитие человечества, какие средства используются?

Как удастся простому кочевнику покорить полмира, а никому неизвестному лейтенанту-артиллеристу стать императором и кумиром миллионов?

Нищий художник-неудачник вдруг открывает в себе дар убеждения необычайной силы и взмывает к вершинам власти. Но этот дар направлен во зло, и что сумеют противопоставить ему те, кого новый вершитель судеб обрекает на смерть?

Откуда приходят в наш мир воины, политики, ученые, художники, писатели, которым суждено не просто оставить след в истории, а изменить ее ход? Жестокие диктаторы, безудержные авантюристы, фанатичные террористы и гениальные философы — чем отличаются они от обычных людей?

Возможно ли разгадать тайну их «сверхспособностей» — феноменальную память, необычайную выносливость, выдающуюся силу, а порой и просто откровенно мистические свойства?

Выдающийся историк-этнограф Лев Гумилев в поисках ответов на эти вопросы разработал теорию пассионарности, основу которой составляет идея об избыточной биохимической энергетике тех, кому суждено перевернуть мир.

Литературный сериал «Этногенез» продолжает и развивает идеи выдающихся ученых А. Кларка и Л. Гумилева. «Этногенез» — это оригинальная версия эволюции человечества, и лучшие современные авторы-фантасты представляют на суд читателей свои романы-объяснения.

Легенда гласит, что развитие человеческой расы направляет и ускоряет некая «пассионарная» энергия, существующая в виде магических артефактов — тотемных фигурок из неизвестного металла. Известно, что эти фигурки становились бесценными амулетами, попадали на гербы, делаясь родовыми знаками, и за ними велась напряженная, ни на миг не прекращающаяся охота, в которой все средства хороши.

Люди — случайные или избранные — завладев одной либо несколькими подобными фигурками, получают возможность влиять на течение собственной жизни, воздействовать на окружающих и даже на ход исторических процессов.

Человек, в зависимости от конкретного свойства фигурки, может стать бессмертным, невидимым, понимать все языки мира, проходить через стены, видеть будущее... Перед ним раскрываются захватывающие дух возможности, которые он волен использовать по своему усмотрению.

Тайна фигурок строго хранится. Но существуют «намёки», сообщающие о том, что перед нами владелец предмета. Отличительный признак — разноцветные глаза (зеленый и голубой). Именно эта особенность позволяет людям, причастным к магическим фигуркам, узнавать друг друга. Однако не все этому рады. В ход идут

всевозможные ухищрения — темные очки, контактные линзы и даже «пиратские» повязки на глаз...

Артефакт действует только при соприкосновении с телом человека. Например, если зажат в руке или висит в виде амулета под одеждой. Нелегкая судьба заставляла некоторых владельцев прятать фигурки и под кожей, и внутри тела. На любые жертвы готов порой пойти владелец, лишь бы сохранить у себя предмет, дающий преимущество над «простыми смертными».

Для беспокойства владельцев есть много причин. Одна из главных — целые сообщества людей, чья цель — сбор предметов и контроль над ними. Это так называемые Хранители. Духовные ордена, масонские ложи, криминальные группировки — любые организации могут быть для них прикрытием. Изначально благородные цели Хранителей — собирать предметы, чтобы оградить мир от потрясений, случись магическим фигуркам попасть в дурные руки — потерпели крах. Ничто человеческое оказалось не чуждо им тоже.

Для сбора предметов Хранители прибегают к помощи Охотников — людей, способных находить магические артефакты. Гениальные сыщики и отъявленные головорезы порой действуют бок о бок, выполняя задания Хранителей. Но не каждому из них, раздобыв заказанный предмет, удастся избежать искушения сделаться новым владельцем.

Действие литературного сериала «Этногенез» происходит в самых разных местах и эпохах. Скитания пещерных людей, величайшие битвы античного мира, расцветы и падения империй. Пиратские приключения в карибских водах, сражения могущественных армий, кровавые революции. Компьютерные вирусы, мировые катаклизмы, освоение глубин земли и далекого космоса — везде, где есть человек, творится История.

Для перемещения сквозь пространство и время герои используют линзы — особые порталы, история создания которых, точное количество и места расположения пока неизвестны. Линзы, как правило, охраняют таинственные существа — «хихикающие демоны».

Обычный человек, попадая в линзу, не знает, где и когда он выйдет из нее. «Управлять» линзами способны лишь Странники — люди, путешествующие во времени и пространстве с определенными целями.

Помимо людей на Земле существует раса так называемых Прозрачных — инопланетная цивилизация с собственными интересами и задачами. Как правило, они стараются находиться рядом с магическими артефактами.

Все книги проекта связаны между собой. Собранные воедино, они раскрывают перед читателем захватывающую картину человеческой истории. Как зародилась разумная жизнь, как она развивалась и есть ли у нее шанс на выживание — об этом и рассказывает «Этногенез».

Царство без грозы — конь без узды.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«ЦАРСКИЕ ПИРОГИ»

Зимний лес тих и угрюм. Едва рассвело, но солнца не видать. Сумрачная пелена сменила ночную мглу. Небо цепляет макушки елей, скатывается по их темным лапам, сливается с сизыми сугробами. Ни звука. В снежном безмолвии зреет и близится угроза — пока далекая, едва различимая, но неотвратимая, она истончает лесную тишину, наполняет тревогой.

Вот тяжело сорвалась с ветки ворона, с холодным шорохом посыпались комья снега. Суматошно треща, волной пронеслась над дорогой сорока. Рыхля сугроб, вскидывая задние лапы, рванул в чащу заяц. Разбежалось лесное зверье прочь от дороги. Лишь любопытная белка хвостатым огненным пятном метнулась на ель повыше, ухватилась за ствол, замерла, прислушиваясь.

Все ближе скрип полозьев да чуткое лошадиное фырканье. Едет длинный обоз по узкой лесной дороге, растянулся на несколько верст. Пар из ноздрей, воронье гривы, попоны на крутых боках. Лица всадников пощипывает морозец. Мохнатые шапки, скуфейки, добротные сапоги. Дорогое шитье проглядывает из-под грубых черных кафтанов. Сабли, пики, топоры, колчаны и пищали.

День короток. Путь — далек.

В голове обоза, в пошевнях, сутулится бледный человек. Кустистые брови насуплены, морщины сбегают от крупного, словно клюв хищной птицы, носа к редкой всколоченной бороде. Вокруг запавших глаз — коричневые пятна. Взгляд устремлен в спину возницы. Руки в собольих рукавицах сжимают богато украшенный посох. Темнеют в утреннем сумраке драгоценные камни, вьется тонкая костяная резьба вокруг них. Тяжелый набалдашник увенчан грубой фигуркой — то ли пса, то ли волка, не разобрать.

Рядом с пошевнями, иногда увязая лошадьми в снегу, держатся два всадника, оба в черных одеяниях. Тот, что постарше, — рыжебород, широколиц, коренаст. Карие глаза его, с прожелтью, зыркают настороженно то на седока в санях, то по сторонам дороги, ощупывая каждый ствол у обочины.

Всадник помоложе — костью тонок, лицом весел, в лихо заломленной скуфейке, то и дело улыбается белозубо, озирается с любопытством.

— Гляди, Григорий Лукьяныч, — вдруг закричал молодой, тыча плеткой куда-то вверх. — Борода твоя по ветвям скачет! Улю-лю!

Стянув рукавицу, оглушительно свистнул в пальцы.

Белка, осыпая с еловых лап снег, задала стрекача.

Обозники, что были поблизости, захохотали. Лишь тот, кого называли Григорием Лукьянычем, ощетинился бородой, впрямь похожей цветом на беличий мех, и вновь покосился на седока в санях.

Тот, казалось, ко всему окружавшему был равнодушен. По-прежнему смотрел неотрывно, почти не мигая, в спину возницы. Лишь по тому, как подрагивал в руках крепко сжатый посох, можно было угадать — нелегко на душе у седока. Тяжел груз, тяжелы думы, а не сбросишь, не отвернешься.

Рыжебородый Григорий Лукьяныч вдруг привстал на стремянах, взглядываясь в изгиб дороги.

— Васька, зубоскал собачий, а ну вперед! — утробно крикнул он шутнику. — Кого волокут, глянь-ка!

Васька недоуменно уставился в утренний полумрак.

— Так нет же никого. Показалось, поди...

Но тут из-за стволов и впрямь возник дозор — пятеро молодых, из недавно набранных, во главе с Федькой Басмановым. За конем Басманова, прихваченный веревкой за руки, волочился по снегу человек в овчинном тулупе, без шапки, с разбитым лицом.

Васька, подивившись звериной чуткости напарника, подал коня вперед, подскакал к дозору. Слов было не разобрать, лишь пар от дыхания клочками слетал с губ всадников да беззвучно раскрывал кроваво-черный рот связанный пленник.

Сидящий в пошевнях человек вдруг глянул искоса на рыжебородого и приподнял правую руку.

Тот, как верный пес, привыкший угадывать любое желание хозяина, встрепенулся.

— Сто-о-о-ой! — раскатилась вдоль дороги его зычная команда

Обоз замер. Стылая тишина воцарилась над лесом, нарушаемая лишь редким кашлем всадников да лошадиным всхрапом.

Рукавица седока в саях повелительно шевельнулась.

— Сюда его подавай! — с готовностью крикнул рыжий бородач. — К государю!

Васька соскочил с коня, выхватил из-под кафтана нож, склонился над схваченным. Перерезал веревку возле рук, оставив их связанными, ухватил за ворот тулупа и потащил, страшно скалясь, к царским саям. Пленный, подвывая, таращил глаза и дергал ногами. Дотащив несчастного до передка пошевней, Васька толкнул его вперед, наподдав ногой. Человек повалился ничком в снег, завозился беспомощно.

— Подсоби-ка ему, Малюта! — обронил царь.

Глаза государя ожили, наполнились веселым любопытством.

Григорий Лукьяныч, по прозвищу Малюта, соскочил с коня и в одно мгновение оказался возле пойманного. Придавил ему спину коленом и рывком приподнял голову за волосы.

Царь склонился чуть вбок и вперед, разглядывая лежащего.

Пленный, отплевываясь розовым снегом, увидел, кто перед ним, и дышать, казалось, перестал.

— Кто ж ты таков? — неожиданно тихо и ласково спросил царь. — И чем живешь, родимый?

Пленный лишь таращился молча.

Малюта сильно дернул несчастного:

— Не видишь, кто перед тобой?! Отвечай, собака, когда государь тебя спрашивает! Да без лишних хвостов, а как на духу!

Пленный, будто очнувшись, сипло выдавил:

— Илюшка я... Илюшка Брюханов... из Ершовки ведь... к брату Никитке в Сосновое ехал... Да чем мы живем, царь ты наш батюшка! Пеньку продаем да лыко... на тверской базар возим да в Медню посылаем... Раньше до самого Новгорода возили, так лошадей почти всех волки у нас подрали, куды теперь!

— А знал ты, Илюшка, о царском указе? — перебил его Малюта, вытягивая свободной рукой из ножен саблю. — Знал ты, что уж три дня как проезд по дороге не велен ни боярам, ни холопам, ни единой живой душе, окромя государя и войска его?

— Даже волки с медведями в ослушники воли государевой идти побоялись, а этот, смотри-ка — знай себе, скачет куда-то! — подхватил Васька, покачивая головой. — Да от нас не уйдешь! От Малюты, было дело, половина бороды сбежала, по деревьям ускакала, но уж тебя-то мы ухватили!

Царь коротко рассмеялся, довольный остротой:

— Грязной Васька-то у нас среди братии — один из первых ловчих будет! Даром что чуть не псарь...

Худородный Малюта довольно крякнул. От внимательного взгляда его не укрылось, что Васька, дворянин думный, на миг потемнел лицом от обиды. Однако Грязной быстро совладал с собой. Потешно приосанился и поддел носком сапога перепачканную кровью и снегом бороду пойманного.

— Шут ты, Васятка, — не удержался Малюта. — Шут, а не ловчий.

Подъехал недобро ухмыляющийся младший Басманов и двое верховых за ним.

Царь задумчиво гладил меховой рукавицей край пошевной.

Схваченного начала бить крупная дрожь. Он по-прежнему лежал на снегу, лишь голова была задрана Малютиной пятерней.

— С тверскими, с новгородскими, значит, торговлю водишь... Поди, живешь богато, кушаешь вкусно. А любишь ли ты, Брюханов Илюшка, пироги? — хитро прищурился царь, повозившись в санях и устроившись поудобнее.

Мужик растерянно скосил глаза на стоящих рядом опричников.

— Да как же не любить, государь. Кто ж не любит-то...

— А с чем любишь? — Лицо царя лучилось живым любопытством и озорством.

— Так с разным, государь... Только не до пирогов ведь теперь, голодно живем. Какое у нас богатство, помилуй!

Царь, посмеиваясь, откинулся в санях, махнул рукой:

— Ну, так и быть. Угостите-ка его, да нашими пирогами!

Малюта сунул голову пленного в снег. Васька Грязной подмигнул неведомо кому, взмахнул саблей и опустил ее на ноги несчастного. Не успела еще брызнуть из раны кровь, как обрушил свой клинок и Малюта.

Схваченный, первые мгновения не чувствуя боли, попытался приподняться, но не смог и вдруг закричал, истошно и пронзительно.

Засмеялись вострепнувшиеся обозники. Качнулись в стылом воздухе острия пик. Царь же вдруг помрачнел лицом и сложил руки на посохе, исподлобья наблюдая за расправой.

Басманов и верховые, соскочив с коней, уже теснились рядом с обрубленным почти по пояс мужиком. Заметались мохнатые шапки, белыми полосками мелькнули над ними сабли.

— Руби ослушника, руби в пирожные мяса! Кроши, не жалея!

В несколько взмахов отсекали ему руки — по кисти, затем по локти, напоследок по самые плечи. Отлетела и голова, покатилась было в сторону царских саней, но один из опричников ловко пнул ее назад, а другой тут же рассек пополам сабельным ударом.

— Что, Илюшка, хороши тебе наши пироги? — выдыхая пар, жарко выкрикнул Грязной. — И брата твоего угостим, как поймает, не бойсь!

Деловито кхекая, точно заправские молодцы из мясного ряда, опричники делали свое дело.

Летели в стороны горячие брызги, куски плоти, лоскуты одежды. Хлюпали и чавкали в темной жиже сапоги царских слуг, тонуло под ними белое крошево костей.

— Ну, будет! — вдруг обронил негромко царь. — Поозорничали, пора и в путь.

Малюта, первым услышавший царскую волю, распрямился, отер от кровавых брызг лицо и замер.

— Тпру! — хлопнул он по спине ближайшего из подручных. — По коням!

Поддев концом сабли длинный кусок мужичковой требухи, Васька ловко перерубил его на лету и вдавил в снег. Шагнул в сторону, набрал в горсть свежего, незапачканного, ухватил губами, пожевал. Остатком умылся, как водой. Его примеру последовали остальные.

Обоз тронулся дальше. Лошади нервно всхрапывали и косились на грязное месиво на снегу. Ко всему привычные опричники молча покачивались в седлах. Лишь безусый возница Егорка Жигулин, проезжая на санях с провиантом в самом хвосте обоза, перекрестился и вздохнул, дернул вожжами, торопясь прочь от страшного пятна. Сколько их еще будет впереди, в какие озера и реки они сольются, каким морем затопят — об этом Егорка догадывался. Царский гнев велик и ненасытен, немало крови уйдет, чтоб унять его жар...

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОХОТА

Разогретые неожиданной потехой, Васька Грязной да Федька Басманов переглядывались, перемигивались, предвкушая новые скорые забавы. Дай только доехать, добраться до изменников! Малюта Скуратов держался в седле чинно, хмурил густые брови, зыряка из-под них на царя да на обочины.

Царь Иван сидел в санях, зябко кутаясь в шубу. Румянец возбуждения, разгладивший было его лицо, исчез. Снова потемнели тяжелые складки возле рта, а нос будто заострился пуще прежнего. Царь недовольно покосился на опричников.

«Ишь, псы... Загубят любую душу, а тяготу греховную нести не жалят. Господи, укрепи! Знаю, что грешен. Кровь-то, на снег пролитою, всем видно. А кто бы разглядел, как мое сердце обливается...»

Тяжко. Нет рядом никого, кому можно довериться. Нет того, кто утешит — без лести и собачьей преданности.

Малюта всем хорош. Но кто он? Верный пес. Не более того.

А где все близкие?

Душат воспоминания. Давно не юнец он, но спасения от старой боли нет. Будто и не прошло многих лет. Словно не царь он всесильный, а нищий оборванец, изгнанник — навеки один.

Никого рядом нет.

Нет матери. Отравили.

Нет Ивана Овчины, сумевшего заменить отца. Заковали в железо и уморили голодом.

Убили дьяка Федора Мишурина, друга князя Бельского, — отрубили голову.

Бельского тоже извели — за то, что на совесть опекал царевича.

Умерла Анастасия. Поднесли его кроткой жене чарку с ядом.
Умер брат Юрий, божья душа.
Митрополит Макарий, венчавший Ивана на царство и браки,
тоже умер.
Умерли Сильвестр и Адашев — самые близкие люди юности.
Мертва и вторая жена, дикарка Мария.

Пусто вокруг.

Только боярская злоба и петля измен.
Предал царя лучший друг его, Андрей Курбский. Сбежал к за-
клятым врагам. Да не с пустыми руками — поднес польскому королю
дар, грозящий земле русской невиданными бедами.
В новгородском гнезде снова вызрела измена — чудовищная, гу-
бительная...

«Господи... Вседержитель! Видишь ты всё... На что толкают меня!
Чем душу мою погубить хотят!»

Холод и угрюмость зимней дороги тяготили Ивана. Он прикрыл
глаза, уносясь воспоминаниями прочь, подальше от снега и слуг
своих. Туда, в прошлое, где был он еще жив душой...

...Мелькнуло лицо Анастасии — понимающее, ласковое. Обрадо-
вался было Иван, посветлел лицом, но тотчас вздрогнул. Исчезла
Настя, и возникла перед ним Мария. Взглянула черными глазища-
ми, как обожгла, усмехнулась.

Поднялись, словно из ниоткуда, стены путевого воробьевского
дворца, тяжелая зима сменилась легкой золотистой осенью.

Сбежала Мария Темрюковна с крыльца, стремглав, будто и не ца-
рица вовсе:

— Велишь подавать коней, государь? Едем ли?

Смеется Иван, любит белую кожей лица ее да ладной фигурой
в черкесском платье. Тонкая, порывистая. Черный кафтан украшен
бордовым бархатом, серебряными застежками. Смоляные волосы
скрыты легкой шалью. Не любят ее бояре, шепчутся тайком за спиной

государя. Да есть кому донести в уши государевы речи их мерзкие. А скоро и спрос будет. Не довелось Ивану уберечь свою Настеньку, зельем супругу его извели... Ну уж до «Темрючихи», как промеж собой ее кличут, не доберутся. Скорее, она их сама загрызет. Зубки-то у царицы молодые, острые. Это мужа-государя она ими ласково кусывает, а врагам — спуску не даст... Мимолетным видением пронеслись перед царем жаркие сцены минувшей ночи — алые губы, не сдерживающие стоны, дикие темные глаза, разметанные смоляные волосы, сильные стройные ноги, крепко объявшие его, бесстыдный властный шепот, переходящий в сладкий крик, острые ногти впиваются в спину Ивана, белоснежные зубы хватают за плечо, кусают до крови, до восхитительной муки доводят... Царь тряхнул головой, гоня нарастающий морок похоти. Этак недолго и охоту отменить, заново с молодой женой в спальне до следующего утра затвориться.

— Едем, Машка, едем!

Мария ловко взлетает на коня. Горячит его, носится по двору, хохочет нервно, запрокидывая голову. К Ивану подводят вороного скакуна. Узда в золотых насечках, попона расшита жемчугом. Грива расчесана, шерстка выскоблена, мышцы играют, подрагивают нетерпеливо. Иван вдевает ногу в стремя, хватается за лук, весь порывистый, возбужденный. Вот царь в седле уже, усмехается в густые усы, веселит плетью коня, кружит вокруг своей супруги. На Иване зипун белого атласа, с обнизью камней драгоценных, бархатная чуга с канительной нашивкой, золотой кушак да горлатная шапка.

— Покажу тебе нашу охоту! — задорно кричит Иван.

— Ай, покажи, научи! — блестит глазами царица, радостная, взбудораженная — довелось вырваться из дворцовых палат, на простор и волю. С восхищением смотрит царь на дикарку-царицу, как она ловко управляет конем, как непохожа она на местных баб, какой упрямой волей светится ее точеное лицо.

Хлопочут вокруг сокольники, кричит их начальник, тащат клетки с птицей, проверяют опутенки, долгики. Готовят рожки да барабаны, ведут коней, собак. Шум, гам, суета, блики факельных огней, собачий лай, людской смех. Потеха готовится.